

Шанский ван У-и по-прежнему оставался жестоким и тираническим, налоги стали еще тяжелее, а барщина — еще изнурительнее. Малые западные уделы страдали от невыносимой нужды, и жизнь в уединенной деревушке на окраине царства Лю делалась все более невыносимой. Урожай на полях был скудным, и после уплаты зернового налога чиновникам оставались лишь жалкие крохи. Обычным людям едва удавалось утолить голод, а Цзян-ши, слабая женщина, к тому же болезненная и с младенцем на руках, и вовсе едва сводила концы с концами.

Ее соломенная хижина все так же продувалась всеми ветрами с западной стороны, дыра в крыше стала еще больше, чем год назад, глиняные стены покрылись пятнами и осыпались, углы заросли мхом, а земля круглый год оставалась сырой и холодной. В доме не было лишних одеял, мягкой колыбели и даже хотя бы относительно ровной доски.

Изведя все силы, Цзян-ши постелила в самом защищенном от ветра углу комнаты толстый слой высушенной мягкой травы — слой за слоем, чтобы хоть как-то отсечь идущий от земли холод. Именно здесь со дня своего рождения целыми днями лежал Цзян-ыя.

Никаких парчовых и шелковых тканей, никаких пуховых подушек и мягких подстилок — только холодная жесткая солома да старые льняные пеленки в бесчисленных заплатках, застиранные до белизны.

Но ребенок, с самого рождения отличавшийся от обычных людей, от начала и до конца не издал ни звука и не пролил ни слезинки.

В годовалом возрасте, когда дети обычно лепечут, плачут, капризничают и не сидят на месте, другие деревенские младенцы ревели днем и орали по ночам, плакали от голода и капризничали от усталости, надрываясь от малейшего неудобства и не давая покоя западным соседям. И только Цзян-ыя целыми днями тихо лежал на той охапке соломы: не плакал, не капризничал, не шумел и не кричал, словно с рождения понимал всю тяжесть этого мира и не желал причинять своей слабой матери ни малейшего лишнего беспокойства.

Чаще всего он бодрствовал. Его тельце лежало смирно и спокойно, он почти не ворочался, а пара становившихся все более ясными и осмысленными глаз, не мигая, смотрела за пределы хижины, глядя на весь этот мир.

Цзян-ши, глядя на это, испытывала и боль в сердце, и успокоение, но больше всего — невыразимое удивление.

Слыхав от деревенских женщин, будто излишне тихий ребенок вырастает слабоумным и глупым, она поначалу втайне страшилась, как бы чадо не родилось ущербным и неполноценным. Но каждый раз, глядя в его чистые, как звезды, и светлые, как осенняя вода, глаза, наблюдая за тем, как он сосредоточенно смотрит на небо и землю, она понимала: этот мальчик вовсе не тупой, просто он не похож на остальных, точно так же, как и предсказывал тогда Учжу.

Однажды в полдень Цзян-ши отложила в сторону циновку и тихо прошептала сыну:

— Сынок, ты целыми днями смотришь в небеса — неужели ты видишь там то, чего не замечают другие? Неужели ты действительно, как говорил господин Учжу, сошедшая с небес звезда, что связана с самими небом и землей?

Мальчик тихонько издал звук в ответ, а его взгляд по-прежнему был прикован к плывущим облакам, и видом он казался до крайности послушным.

За этот год Цзян-ши ослабла еще сильнее, ее мучил круглогодичный непрекращающийся кашель, лицо было бледным, бескровным, от любого движения она задыхалась, но все же стискивала зубы и держалась. С раннего утра, преодолевая боль, она принималась плести циновки и сучить пеньковые нитки, чтобы отнести их на деревенский рынок и выменять на немного грубого зерна и диких овощей, с трудом поддерживая жизнь их с сыном.

Рисовая кадка в доме почти всегда пустовала, очаг стоял холодным, и за весь год им редко доводилось поесть нормальной зерновой пищи — чаще всего это был лишь котелок с жидкой, как вода, похлебкой из диких трав.

Дикие травы обычно собирали по краям полей — горькая зелень, лебеда, портулак, — добавляя немного отрубей. Варено получалось жидким и водянистым, крупинки почти не было видно, на вкус оно было горьким и труднопроглатываемым, и даже крепкие деревенские мужики едва могли заставить себя съесть такое, что уж говорить о годовалом младенце.

Каждый день в полдень Цзян-ши с пиалой жидкой похлебки, в которой отражалось ее лицо, осторожно подходила к охалке соломы в углу, опускалась на колени, а голос ее становился мягким, как весенний ветерок:

— Сынок, встань, поешь немного, не мори себя голодом.

Услышав это, Цзян-ыя медленно повернул голову, отвел взгляд от плывших по небу облаков и перевел его на исхудавшее бледное лицо матери. На его детском личике тут же появилось кроткое и послушное выражение: не плача и не капризничая, он послушно приподнял головку, помогая матери покормить его.

Цзян-ши взяла маленькую, отполированную до гладкости деревянную ложечку, зачерпнула немного жиденькой каши, подула на нее, чтобы та слегка остыла, и, проверив подходящую температуру, медленно поднесла к роту ребенка.

Похлебка была горькой, пресной, безвкусной, без единой капельки масла. Любой другой ребенок, попробовав хоть ложку, отвернулся бы, заплакал и отказался есть дальше. Но Цзян-ыя лишь тихонько взял ее в рот, мелко сглотнул — ни морщинки на лбу, ни сопротивления, ни малейшего недовольства. Тихо, ложка за ложкой, он ел с такой покорностью, что у матери от боли сжималось сердце.

Цзян-ши кормила его ложка за ложкой, а слезы сами собой катились из глаз, капля за каплей падая в пиалу с похлебкой и поднимая крошечные брызги.

— Тяжелая у тебя доля, сынок... — сдавленным голосом шептала она. — У других детей в год на столе и зерно, и лепешки из проса на лакомство, и только ты разделяешь с матерью это горе, каждый день хлебаете эту пустую травяную похлебку и не можешь даже досыта наесться... Это я ни на что не годна, это я не умею жить, раз заставляю тебя переносить такие унижения...

Цзян-ыя маленькими глотками проглатывал кашу, не мигая своими черными ясными глазами глядя на мать — на слезы в уголке ее глаз, на изможденное лицо, на дрожащие руки. Кроткое выражение на его личике постепенно рассеялось, уступив место совершенно не по годам зрелому пониманию и жалости.

Стоило ему проглотить три-четыре ложки, как он легко повернул голову, слегка приподнял маленькую ладошку и мягко оттолкнул деревянную ложку в руках матери, легонько покачав головой в знак того, что больше не хочет.

Цзян-ши замерла и поспешно мягко уговорила:

— Сынок, съешь еще пару ложек. Травка, что я сегодня нарыла, еще довольно свежая, поешь чуть-чуть, у тебя появятся силы, ты подрастешь.

Она снова поднесла ложку к губам ребенка, но Цзян-ыя лишь покачал головой, а его маленькая ручка решительно отстранила ложку. Он не хотел больше открывать рот, но его ясный взгляд был полон непреклонного упрямства. Он просто тихо смотрел на мать, и на его личике не было и следа голодного каприза — казалось, он проявляет заботу и уступает ей.

Цзян-ши в тот же миг все поняла, ее сердце пронзила боль, и она едва не зарыдала в голос.

Как же ей было не понять?

Эта пиала с похлебкой и без того была до смешного мала, составляя весь ее собственный дневной паек, большую часть которого она отрывала от себя ради ребенка. Хоть мальчик и мал, он уже понял всю бедность их дома, понял, что мать трудится день за днем и сама голодает, понял, какой ценой достается эта похлебка и что мать предпочтет остаться голодной, но сначала накормит его.

— Ах ты ребенок... Ах ты глупый ребенок... — Цзян-ши прижала к себе худенькое тельце сына, и слезы хлынули градом, капая на его тонкую льняную одежку. — Ты ведь еще такой кроха, самое время расти, как же ты можешь не есть досыта? Я взрослая, день-другой голода для меня пустяк, а ты ни в коем случае не должен себя обделять...

Цзян-ыя прижался к материнской груди, обвил ручонками ее шею и приник головкой к ее плечу — тихий, нешумный. Он высунул крошечный язычок и нежно слизнул слезы с уголка

глаз матери, а его движение было столь мягким, что в нем сочетались и детская кротость, и не по возрасту развитая заботливость.

Прижимая к себе сына, Цзян-ши рыдала навзрыд:

— Мать не просит для тебя великого богатства, не молит о власти над поднебесной, ей нужно лишь, чтобы ты рос здоровым, был сыт, одет и убережен от бед... Но даже это малое желание мать не в силах исполнить, до чего же я никчемна...

Цзян-ыя тихонько издал звук, крепко сжав маленькими пальчиками воротник материнского платья, словно возражая: Мать не никчемна, мать самая лучшая.

Эту сцену как раз увидела бабушка А-по из соседней деревни, пришедшая принести пол-лепешки из грубой муки.

Будучи одной с Цзян-ши крови и обладая добрым сердцем, она часто втайне помогала оставшимся без поддержки матери с ребенком. Сегодня ей досталось немного грубого зерна, и она тайком принесла им половину сухой жесткой лепешки. Подойдя к дверям хижины, она застала эту трогательную сцену материнской привязанности и детского понимания, застыла на месте, а ее веки мгновенно покраснели.

Старая женщина на цыпочках вошла в дом, боясь потревожить мать и ребенка:

— Чжао-цзянь... то есть, матушка Цзян, что с тобой? Уж не заболел ли малыш?

Цзян-ши торопливо вытерла слезы, поднялась с ребенком на руках и через силу выдавила улыбку:

— Спасибо, бабушка А-по, что беспокоитесь, малыш здоров, не болен, просто я... просто на душе тяжело, заставила вас смеяться над моей слабостью.

Бабушка А-по положила принесенную половину лепешки, подошла и пристально всмотрелась в ребенка на соломенной подстилке. Увидев, что он лежит смирно, с ясным взглядом глядит на нее, ничуть не пугаясь и не плача, а лишь источая кротость и послушание, она почувствовала еще большую жалость.

— Этот малец до того разумен, что сердце щемит, — со вздохом произнесла бабушка А-по, протянув руку и легонько погладив мягкие волосы Цзян-ыя. — Я только что все видела у входа: он ведь явно голоден, а лишней ложки каши не взял, уступает тебе, жалеет тебя. В таком нежном возрасте — и уже с таким сердцем. Сколько живу на белом свете, а такого раннего ума и рассудительности сроду не видывала.

Цзян-ши горько усмехнулась и тихо произнесла:

— Он с самого рождения такой: не плачет, не капризничает, хлопот не доставляет, хочет есть,

мерзнет или спать — все терпит молча. Когда я смотрю на него, мне больнее, чем от ударов ножа.

Понизив голос, она спросила:

— Бабушка А-по, деревенские женщины говорят, будто он глупенький, я день и ночь трепещу от страха — неужели он и впрямь неразумен?

Бабушка А-по замахала руками и уверенно ответила:

— Ни в коем случае! У глупых детей глаза мутные и дух смятенный, а у этого ребенка взгляд — как звезды, и чистым духом веет. Это дитя с рождения одарено духовной проницательностью, просто оно таит свой блеск в младенчестве!

— Это не глупость, это природная мудрость и доброе сердце, — покачала головой бабушка А-по, говоря с большой серьезностью. — Обычные дети знают лишь требовать свое да орать от капризов, а он с малых лет умеет и о матери подумать, и нужду домашнюю разумеет. С таким характером даже дети из знатных семей, воспитанные самыми искусными наставниками, пожалуй, не сравнятся.

Переведя взгляд на Цзян-ыя, старуха с улыбкой попыталась его развлечь:

— Малыш, а знаешь ли ты, что бабушка тебе принесла? Эта лепешка хоть и сухая да твердая, но брюхо набить может, хочешь отведать?

Она взяла лепешку, отломил совсем крошечный кусочек и поднесла к губам Цзян-ыя. Тот слегка повернул голову, глянул на бабушку А-по, потом на мать. Рот он открывать не спешил, а в его чистых глазах читался то ли вопрос, то ли сомнение — до того разумно он выглядел, что у людей таяли сердца.

Цзян-ши тихо сказала:

— Бабушка дает, так поешь, не отказывайся от ее доброты.

Получив разрешение матери, Цзян-ыя приоткрыл рот, медленно взял этот кусочек лепешки, стал тщательно пережевывать и маленькими глотками проглотил. Никакой спешки, никакого соперничества. Покончив с едой, он тихонько издал звук в адрес бабушки А-по, и на его личике промелькнула едва заметная улыбка, словно он благодарил.

Бабушка А-по пришла в восторг и принялась восхищенно цокать языком:

— Чудо! Настоящее чудо! Этот малыш понимает человеческие отношения, понимает, что нужно благодарить! Матушка Цзян, этот твой ребенок — вовсе не от обычной смертной плоти, в будущем его ждет великое будущее! Как бы тяжело тебе ни приходилось, стисни зубы и вырасти его, еще вкусишь от него неисчислимых благ!

Сердце Цзян-ши сжалось от боли, но в нем затеплился и крохотный огонек надежды:

— Вашими бы устами, бабушка, мед пить. Я хоть жизнь за него отдам, но защищу, выхожу, обучу грамоте и передам семейное предание предков. Ни за что не посрамлю их заветы и слова господина Учжу.

Бабушка А-по кивнула и снова предупредила:

— В последнее время в деревне беспокойно. Чиновничьи прислужники то и дело спускаются сюда забирать зерновой налог — свирепые демоны, чуть что не по нраву, все крушат и грабят. Ты с ребенком сиди за запертыми дверями, не высывайся, не сталкивайся с ними, чтобы не навлечь беду. Сама ты слаба, а дитя мало, ни в коем случае не геройствуй.

Лицо Цзян-ши слегка изменилось, и она поспешно ответила:

— Эта скромная женщина понимает, крепко запру ворота и носа не высунуу, чтобы не накликать лиха.

Затем она с тревогой спросила:

— А если эти слуги вздумают ломиться силой? Что делать мне, одинокой матери с ребенком?

Бабушка А-по сурово произнесла:

— Ты просто держи двери и окна накрепко закрытыми, а мы с соседями покрутимся снаружи. Слишком буйствовать они не посмеют, да и задерживаться в этой глухомани не захотят.

— Вот и славно, — вздохнула бабушка А-по. — В такие времена страдаем лишь мы, простой народ. Имей небеса глаза, пусть поскорее пошлют нам мудрого правителя, что спасет народ из огня и воды...

Посидев еще немного и дав множество наставлений, бабушка А-по поднялась и ушла, а перед уходом тайком сунула у циновки небольшой кусочек жесткой лепешки с травой — сердце не выносило смотреть, как мать с ребенком голодают.

В доме снова воцарилась тишина. Цзян-ыя лег обратно на солому в углу комнаты, и его взгляд снова устремился за окно, на небо и землю. Он наблюдал, как плывут тени облаков, как возвращаются в леса птицы, как тают струйки дыма от очагов и как дневной свет клонится к западу, впитывая в себя малейшие изменения всего сущего и запечатлевая их в глубине души.

Цзян-ши сидела рядом и молча плела циновку. Грубые пеньковые веревки натерли ее пальцы докрасна, кожа полопалась, выступили капельки крови, но она словно не замечала этого — лишь то и дело поднимала голову и смотрела на тихого, разумного ребенка в углу, а в ее глазах сияли нежность и непоколебимая решимость.

Иногда мимо дверей хижины вперевалку проходили деревенские куры и утки. Под их крики и

гомон Цзян-ыя продолжал лежать неподвижно, с совершенно безмятежным выражением в глазах — ни тени испуга, и уж тем более он не пытался, подобно обычным детям, высунуть руки, чтобы побегать за ними, поплакать или посмеяться.

Несколько раз соседские дети прибежали к дверям хижины, заглядывали внутрь, размахивали соломинками и комьями грязи, хохоча и затеявая возню в попытке подразнить этого странно тихого малыша. Цзян-ыя лишь бросал на них мимолетный взгляд, отводил глаза и продолжал созерцать небо и землю, не обращая на них никакого внимания. Ни печали, ни радости — словно вся эта суета и шум были не для него.

Детям становилось скучно, они бормотали что-то вроде «дурачок» да «немой» и с криками убегали. Цзян-ши, отчетливо слышавшая все это изнутри, чувствовала, как ее сердце пронзает острая боль, но в то же время она понимала: этот ребенок с самого начала не похож на обычных детей мирской пыли, он чужд суете и не тянется к играм, ибо таков его предначертанный удел.

Тихо прошептала Цзян-ши:

— Они тебя не понимают, но матери достаточно того, что я понимаю. У тебя свой собственный мир, не нужно тебе водиться с обычными детьми.

Услышав это, Цзян-ыя повернул голову к матери, изогнув брови в легкой улыбке, словно все понял.

Однажды в полдень с неба закапал мелкий затяжной дождь. Крыша хижины стала протекать еще сильнее, и охапку соломы в углу залило водой, превратив в сырое и холодное лежбище. Цзян-ши, охваченная паникой, превозмогая хворь, попыталась взобраться на крышу, чтобы подлатать солому, но от слабости в теле у нее закружилась голова, едва она ступила на низкий табурет, и она чуть не упала.

— Эх... — обессиленно опустившись на землю, она посмотрела на текущую крышу, на подмоченную солому в углу и на лежащего там ребенка, который по-прежнему тихо лежал, не издавая ни звука. Сердце ее было охвачено отчаянием, а по щекам беззвучно покатались слезы. — Я даже крышу, не пропускающую дождь, не могу тебе дать, до чего же я никчемна...

Цзян-ыя лежал на сырой холодной соломе. Его тельце слегка озябло, но он все равно не плакал и не капризничал, а лишь молча смотрел на беспомощную, сломленную мать. Его брови чуть сдвинулись, явив выражение заботы, совершенно не подобающее его возрасту, а с губ сорвался еле слышный лепет, будто он утешал и тревожился одновременно.

Медленно повернувшись, он придвинулся к самому сухому и защищенному от ветра углу соломы и тихонько лег, больше не глядя на небо и облака, не отрывая глаз от матери. Его взгляд был полон нежности, умиротворения и понимания — словно он говорил: «Мама, не плачь, мне не холодно, я не страдаю, со мной все хорошо».

Видя, во что превратился ее ребенок, Цзян-ши почувствовала, как отчаяние в ее груди мгновенно сменяется беспредельной стойкостью. Вытерев слезы, она поднялась, борясь с недугом, и произнесла низким, но непоколебимым голосом:

— Мама не плачет, мама не ропщет, мама обязательно починит крышу, обязательно сделает так, чтобы у тебя было сухое место для сна, обязательно вырастит тебя здоровым... Как бы ни было трудно, мама выстоит!

Стиснув зубы под мелким дождем, она понемногу собирала во дворе сухую солому и затыкала дыры в крыше. Дождь промочил одежду, ледяной ветер пробирал до костей, больное тело дрожало, но она не отступила ни на шаг, не остановилась ни на миг.

Стиснув зубы под мелким дождем, она понемногу собирала во дворе сухую солому и затыкала дыры в крыше. Дождь промочил одежду, ледяной ветер пробирал до костей, больное тело дрожало, но она не отступила ни на шаг, не остановилась ни на миг.

Косые струйки дождя смачивали растрепавшиеся пряди волос Цзян-ши и стекали по ее изможденному лицу, смешиваясь с потом и сдержанными слезами, капая в грязь под ногами. Каждый раз, когда она поднимала руку, в груди тяжело и тупо ныло, а кашель застревал в горле — она не смела кашлять громко, боясь потревожить крошечную фигурку в углу, которая все так же молча следила за ней.

А ребенок в соломенном углу лежал тихо, без слез и капризов. Лишь пара звездных глаз неотступно следовала за матерью, месившей грязь под дождем, а маленькие брови слегка хмурились от той самой не по-детски взрослой тревоги и боли за нее.

Время шло незаметно, холода сменялись жарой, и пролетел еще один год.

Цзян-ыя исполнилось два года.

Тело его по-прежнему оставалось худым, а кожа отливала желтизной от хронического недоедания, но глаза сделались еще более чистыми и ясными — как глубокие горные омуты, как звезды ночного неба, безмятежные и прозрачные, не тронутые ни единой пылинкой суеты. Он все так же не любил пустых слов, редко подавал голос, и по большей части просто сидел или стоял неподвижно, созерцая небеса и землю, наблюдая за движением облаков и звезд, за ветром и дождем, словно весь шум мирской суеты не имел к нему никакого отношения.

Однако в этот год странности, одна за другой проявлявшиеся в нем, уже успели тихо взбудоражить всю уединенную деревню.

Больше всего поражала его врожденная способность безошибочно определять западное направление.

Никто никогда не учил его различать восток, запад, север и юг, никто не указывал, какому

положению солнца, луны и звезд соответствуют стороны света. Но стоило Цзян-ыя уверенно встать на ноги и сделать первые шаги, как он с рождения запросто знал, где находится запад, и ни разу не ошибся.

Поначалу Цзян-ши думала, что ребенок просто наугад тычет пальцем, и не придавала этому значения, пока одна проверка не заставила ее задрожать всем телом.

В тот день стояла ясная, погожая и ветреная погода. Цзян-ши держала его на руках во дворе, сушила овощи и в шутку решила проверить:

— Сынок, скажи матери, а где находится восток?

Маленькая ручка Цзян-ыя уверенно поднялась, а пальчик четко указал на восток, взгляд его при этом оставался спокойным и ни капли не колеблющимся.

Сердце Цзян-ши бешено заколотилось. Она намеренно закружилась с ним на месте три раза, пока у самой не закружилась голова, а затем дрожащим голосом спросила:

— А... север где?

Тельце мальчика прижалось к ней надежно и твердо, ничуть не сбиваясь с толку, и маленькая ручка снова поднялась, безошибочно указав строго на север.

Дыхание Цзян-ши перехватило. Все еще не веря в это, она занесла его в сумрачную хихину, затянула дверные проемы и окна льняной тканью, отрезая солнечный свет и звезды, и тихо спросила:

— Сынок, где запад?

В полной темноте Цзян-ыя без малейших колебаний уверенно указал пальцем прямо на запад.

Цзян-ши затряслась всем телом, прижала к себе ребенка и задрожавшим голосом вымолвила:

— Откуда... откуда ты знаешь? Мать тебя никогда этому не учила...

Цзян-ыя поднял на нее голову, слегка приоткрыл ротик, и мягким, но отчетливым голосом произнес:

— От рождения... знаю... Мама, не бойся.

Слезы Цзян-ши хлынули в тот же миг, и она прорыдала:

— Господин Учжу был прав... Ты и впрямь не от простой плоти, ты с рождения соединен с небом и землей, постиг инь и ян, знаешь стороны света... Но если чужие люди увидят такое искусство, быть большой беде!

Цзян-ыя легко кивнул:

— Я понимаю... не скажу, не покажу.

Несколько дней спустя их навестила та самая сродственница, бабушка А-по. Увидев, как Цзян-ыя тихо сидит на пороге и смотрит вдаль, она с улыбкой подошла к нему и в шутку решила попытать:

— Малыш, а бабушка тебя спросит: где находится юг? Укажешь верно — в следующий раз бабушка принесет тебе сладких солодковых корешков пожевать, ладно?

Цзян-ыя медленно повернул голову, слегка приподнял ручонку и твердо указал на юг. Выражение его лица оставалось гладким, как зеркало воды.

Глаза бабушки А-по широко раскрылись. Она зашла ему за спину, закрыла ладонями глаза и с улыбкой спросила:

— А теперь где восток? Сможешь показать?

Цзян-ыя так же уверенно поднял руку и указал ровно на восток, не отклонившись ни на долю.

Старуха страшно испугалась, отпрыгнула на два шага назад со потрясенным выражением лица, торопливо схватила Цзян-ши за руку и зашептала испуганно:

— Матушка Цзян! Этот... этот малыш и впрямь постиг божественное! Я прожила больше шестидесяти лет, видала горных охотников, которым для определения сторон света нужно на солнце смотреть, на деревья да кору ориентироваться, а он, двухлетний сопляк, с закрытыми глазами запад указать может! Разве это обычный ребенок? Это же дитя с врожденным небесным оком!

Лицо Цзян-ши побелело, она в панике ухватила бабушку за рукав:

— Бабушка, тише! Ни в коем случае нельзя болтать об этом! Если чиновничьи слуги услышат и заберут его как нечисть и чудовище, нам обоим с сыном конец!

Старуха поспешно зажала рот рукой, закивала, став еще серьезнее:

— Старуха понимает цену словам! О таком чуде и полуслова нельзя никому сказать! Впредь смотри за ним в оба, не позволяй при посторонних указывать стороны света и показывать хоть какие-то странности, запомнила?

Со слезами на глазах Цзян-ши кивнула в ответ:

— Запомнила. Спасибо, бабушка, за многократные напоминания, я уж присмотрю за ним накрепко, ни за что не позволю ему хвастаться умениями перед чужими.

Глядя на тихо сидящего на пороге Цзян-ыя, бабушка А-по одновременно испытывала благоговейный трепет и жалость. Со вздохом она проговорила:

— У этого ребенка великая судьба, да выпало ему родиться в этой бедной хижине, в такое смутное время... Чем больше у него способностей, тем опаснее его путь... До чего же жалко, до чего же горько.

Цзян-ши тихо ответила:

— Я не прошу для него великого богатства, мне нужно лишь, чтобы он рос в безопасности, ел простую пищу да прожил спокойную жизнь.

Покачав головой, бабушка А-по вздохнула:

— Разве от предначертанного судьбой пути так просто уйти...

<http://bllate.org/book/19338/1890978>